

**А.П. Марковой
и М.А. Марковой**

1925, 25 августа. Из Сорренто
в Москву

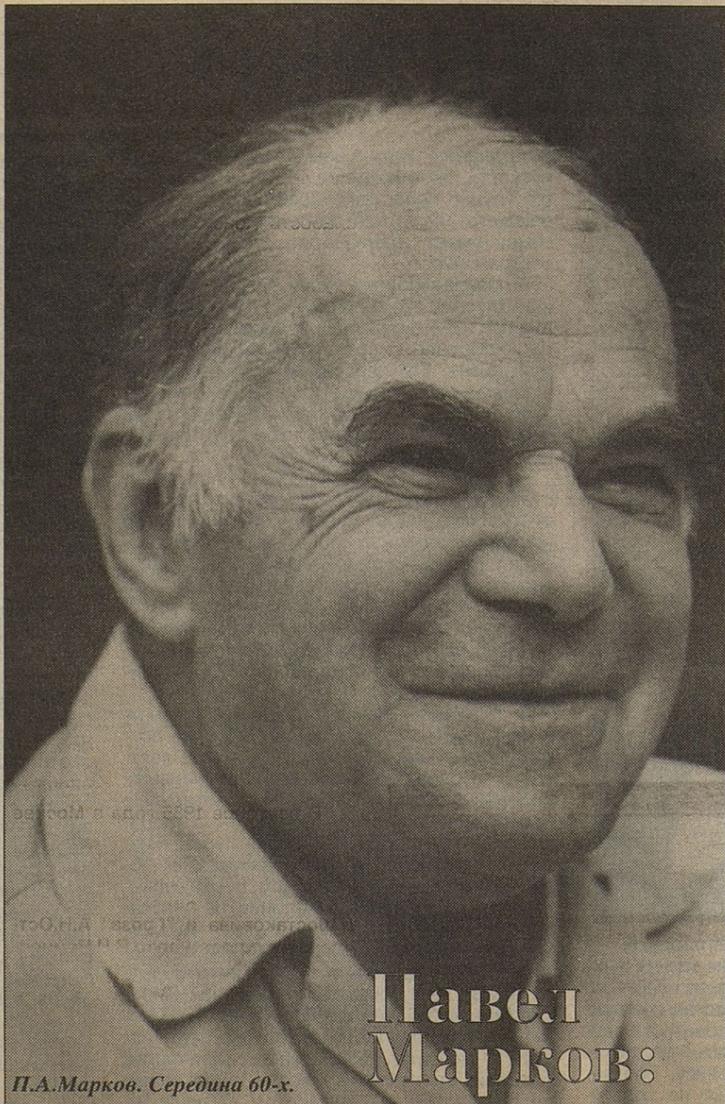
Дорогая мама Санечка и Маруся-ка.

Вот уже почти неделя, как мы живем в Сорренто. Здесь оказалось очень хорошо, всякие необыкновенные пейзажи улаживают наши взоры — неаполитанские заливы, Везувии, отвесные скалы и т. д. Ведет образ до примитивности нормальный. Встаем часов в восемь утра и идем купаться. В половине первого завтракаем, потом валяемся часов до трех, идем купаться, потом опять едим, и вечером идем к Горькому и улаживаемся его душевными разговорами, а в двенадцать уже спим. Он необыкновенно рассказывает и вообще очень любопытный человек. Остальные обитатели нашего пансиона люди очень почтенные, убедительные и серьезные. Женский персонал ограничивается тремя немками, очень крикливыми и восхищенными жизнью существами. /.../

Обитатели горьковской дачи любопытнее: художница Ходасевич (барышня смелая и кажется слабая), профессор по старине — пессимист по убеждениям, одинаково осудительный во взглядах на жизнь, людей и проч., но очень умный; сын Горького и замечательный гармонист Рамша, который играет так, что Горький плачет. А играет он всякие русские и иноземные вещи, начиная от Шопена и кончая "Камаринской". У него в голове всякие изумительные музыкальные идеи, и он — действительно огромный мастер. Погода здесь стоит разнообразная. Так, например, в первые дни было очень жарко и море было спокойно. Затем море забурлило и из Африки задул какой-то очень раздражительный ветер (одни его называют сирокко, другие — пафоне, вон и еще как-то неприлично). Ветер дул один день и две ночи. Он очень горячий, итальянцы от него бесятся (необыкновенный закон, выдуманный ими, снижает наказание за преступления, совершенные во время этого ветра на одну степень), а русские не спят, ругаются и делают вид, что на них ветер действует катастрофически. Сегодня сирокко перестал, но зато ночью шел такой дождь, что всюду потухло электричество, и у Горького мы сидели при разноцветных фонариках, что было очень живописно.

В воскресенье здесь случился самодельный (принадлежащий специально Капо — мысу, а не всему Сорренто) праздник. По этому поводу стреляли фейерверком. У них фейерверки стреляют так, как будто берут Фесу, дерутся с Рифами, усмиряют сирийское восстание. Это совершенно оглушительно: по итальянским понятиям, чем громче фейерверк, тем он лучше. Все дело в выстрелах. Кроме того играл оркестр музыки из пяти музыкантов, а некоторые люди очень изысканно пели всякие неаполитанские и национальные песни. Потом пустили огромные воздушные шары — баллоны с зажженными внутренностями. Один из них, подумав, полетел в Африку, а другой, побегав над морем, загорелся и сковырнулся в море.

Изредка мы выезжаем в город Сорренто. В нем несколько улочек и десятка два памятников всем местным знаменитостям. Повод для постановки этих классических монуменов дал Торквато Тассо тем, что несчастным образом родился в Сорренто. Потом все стали ему завидовать — и теперь стоят памятники епископам, докторам, домашним хозяйкам и просто честным людям. У одного парикмахера вывешен огромный портрет Энрико Карузо с трогательной надписью, что-то вроде того, что "знаменитому, блестя-

П.А. Марков. Середина 60-х.

**Павел
Марков:**

цему моему парикмахеру (имя рек) с уважением — Карузо". У Горького все время собрание знаменитостей. Он в этот список уже включил Николая, а ко мне относится с вежливым недоверием за то, что я пролил на его пышную скатерть (вообще-то у него обстановка скромная) пиво, что я сделал исключительно из дерзкого протеста бунтующей натуры.

На днях этот список знаменитостей должен заключиться Вяч. Ивановым и, если верить циркулирующим слухам, то и самим Шаляпиным. Горький здесь очень знаменит, его все знают, а на праздники все фотографии /?/ ходили за ним гуськом, но многие не соглашались и не верили, что это есть тот самый Горький, который...

Пишите, дорогие... Привет всем. Нежно, нежно целую.

Павлик

1925, 31 августа. Из Сорренто
в Москву

/.../ С Горьким мы как будто довольно сдружились. Теперь сюда приехал еще Вячеслав Иванов, кот/орый/ зовет меня и Эрдмана — "Павлики". С приездом Вячеслава/Ивановича/ Горький начал по вечерам читать свои новые вещи — некоторые из них очень хороши.

Вчера мы выезжали в театр, где какие-то унылые и страшные итальянцы показывали свой темперамент в песнях. Это было довольно скучно. А вообще здесь делать абсолютно нечего. Темнеет очень рано, но теперь вышла луна, и ночи здесь очень красивые, но все ложатся спать в двенадцать часов... Мы учимся плавать и скоро будем брать призы на всех иностранных состязаниях. Оказывается, здесь существуют акулы, только они не людьми питаются, а какими-то другими животными, поэтому можно купаться с ними вместе без всякой видимой и невидимой опасности. Простота нравов здесь угрожающая /.../

Если признаться откровенно, жизнь здесь скучная, но здоровая и поучительная. Здоровье — от жрания и купанья, поучение от Горького и Вячеслава. Вячеслав даже стал наводить лоск на Капо-вские моды, так как продолжает почитать импозантность и помпезность главнейшими жизненными и социальными факторами и хочет ввести всякие

...из дерзкого протеста

ритуалы в пансионную жизнь в смысле одежды и прочаго. Пока население яростно сопротивляется, справедливо указывая, что побудительных причин к приукрашению мужского населения не существует в виду отсутствия интересных и показательных особенностей противоположного пола. Николай, впрочем, побеждает женские сердца не только своими личными качествами, но и полосатой, чрезвычайно нежной и эффектной пижамой.

Мною овладела неподвижность, и я, отказавшись от туристского пыла, равнодушен к Везувию, Помпее, Капри и иным достопримечательностям, на посещение которых Вячеслав настаивает. Посмотрю, чья возьмет.

Нежно целую. Пишите, дорогие. Это очень приятно, когда пишут, а то очень беспокойно.

Павлик

Николай очень кланяется.

Письма обращены к приемной матери Маркова Александре Павловне (сестре отца) и к его сестре Марии Александровне.

О своей поездке с Николаем Эрдманом в Сорренто к А.М. Горькому Марков написал в 1959 году в очерке "Встречи с Горьким".

В письмах упомянуты художница В.М. Ходасевич и ее муж А.Р. Дидерихс ("профессор по старине"), музыкант Ф.Е. Рамша. С Вяч. Ивановым Марков был знаком по работе в ТЕО Наркомпроса в 1920 году.

К.С. Станиславскому

1925, июль. Из Москвы в гостиную поездку МХАТ по южным городам СССР

Глубокоуважаемый Константин Сергеевич.

Я прочел переданные Вами водевили. Они, конечно, дают прекрасный материал для возможного вечера французского революционного театра, не говоря уже о том, что будут очень полезны для молодежи нашего театра. Однако в том виде,

В прошлом номере "ЭС" три полосы были отданы "Марковским чтениям" в связи со 100-летием со дня рождения выдающегося театрального деятеля Павла Александровича Маркова. Сегодня в Международный День театра — письма Маркова, которые публикуются впервые.

как они написаны, они вряд ли могут идти — многое в них устарело, кажется растянутым, значительное количество острот не дойдет до публики. Может быть, было бы хорошо поручить их переработать, сократить, сделать более острыми кому-нибудь из современных поэтов, предположим, Антокольскому (я недавно в студии Завадского видел написанный им водевиль, по которому можно судить, что Антокольский очень чувствует и понимает водевильный стиль). Кроме того, не худо было бы написать к ним куплеты. Нужно также приложить старания к тому, чтобы отыскать водевиль с пением или оперетту того времени. Это, конечно, придало бы предполагаемому спектаклю большую законченность. Это был бы спектакль на тему "смех французской революции". В этом смысле я и написал ответ переводчику водевилей, прося его прислать краткое содержание остальных водевилей, указывая на заинтересованность театром его работой и на возможность некоторой переработки театром текста. Я постараюсь найти еще другие пути для отыскания оперетты, о которой я говорил выше.

Вашу просьбу о сбориании материалов для "Женитьбы Фигаро" я хорошо помню и постараюсь все сделать. В переводе, который Вам представит Сергей Львович, отсутствует вся стихотворная часть — по моей вине, так как я взялся за перевод куплетов "Фигаро", но при всех паспортных хлопотах не мог его вовремя закончить. Вчерне они пере-

говоры сначала с А.М.Эфросом, затем поочередно с О.Э.Мандельштамом, Б.Л.Пастернаком, В.В.Маяковским и Н.Р.Эрдманом.

1928, 28 августа. Из Москвы в Кисловодск

Дорогой, глубокоуважаемый Константин Сергеевич.

Вчера получил Ваше письмо относительно дальнейшего отпуска Марии Петровне. Само собой разумеется, что Управление всецело идет навстречу Вашему желанию, тем более, что устройство Ваших семейных дел Вас так долго мучило и беспокоило.

В Театре постепенно начинается съезд труппы; сегодня начались репетиции "Квадратуры круга"; на несколько дней в Москве Иван Михайлович, и вернулся из заграничной поездки Судаков. В Театре все благополучно.

Относительно репертуарных дел два радостных известия: Горький передал через Николая Дмитриевича Телешева о разрешении "Бега" — известие еще неподтвердившееся, но дающее большие надежды на включение "Бега" в репертуар; второе — заявление Свидерского о его заинтересованности "Карамазовыми". Так что у меня появляются надежды, что мы справимся в этом сезоне с репертуарными трудностями. Ожидаю пьесы Олеси, Тренева и Федина.

На Западе смотрел много спектаклей — в Берлине⁴ и в Париже. Там тоже совершенно очевидное

оскудение репертуара. Немного нового и в плоскости режиссуры. Писателя я не успел увидеть, так как его театр "лопнул", и он ищет сейчас новой финансовой поддержки.

Последняя постановка Рейнгардта "Артисты" под явным и разрушительным влиянием ревю. Отдельные роли поручены лучшим цирковым актерам, которые отлично выполняют свои номера, но из рук вон плохо играют свои роли. Шум, джаз-банд и негритянские песни совершенно задавили нехитрую американскую пьесу.

Намного интереснее актеры. В смысле профессионального актерского мастерства немцы достигли очень многого. Можно уже сейчас назвать ряд великолепных и тонких актеров, которые, однако, придерживаются метода представления. В этой высоте профессионального мастерства, во внимании к дикции и к движению большая ценность германского театра. Большинство хороших немецких актеров совершенно лишены расхлябанности, подтянуты, сосредоточены. Культуре актерской жизни не худо бы поучиться и нашим актерам — до такой степени большинство крупных актеров ведут правильный образ жизни и все отдадут в жертву своему мастерству. В этом, вероятно, отражается вся современная германская жизнь, которая построена на работе, на работе и на работе. Между Германией 1928 и 1925 года огромная пропасть. Она выросла в великодушную и сильную страну. Остается только жалеть о внутренней бессодержательности тех пьес, которые играют эти актеры. Но в то же время при всем блеске их мастерства они лишены теплоты и нежности, которые так волнуют нас.

Хуже обстоит дело во Франции. "Комеди Франсез" выродилась в шаблонный и удручающий театр. Отдельные хорошие актеры не в силах удержать театр от заволакивающей его рутины. Только в некоторых случаях очень легко, с отличным владением диалогом и словом играют комедию.

Прою создается такое впечатление

П.С. Относительно "Фигаро" на французском языке написал в Париж.

Работа Маркова в МХАТ началась ранней весной 1925 года (официальные сообщения о создании в Художественном театре Репертуарно-художественной коллегии и о назначении Маркова ее председателем появились в печати лишь осенью). Станиславский с конца апреля и до конца июля 1925 года находился в гастрольной поездке театра по южным городам СССР. Публикуемое письмо было отослано Станиславскому с оказией незадолго до отъезда Маркова на летний отдых в Германию и Италию.

В обращении к старым французским водевилям Станиславский видел одну из возможностей расширения жанровых границ репертуара МХАТ. Спектакль, вспоминал Марков, "так никак и не вытанцовывался", хотя оставался в планах театра несколько сезонов параллельно с переработанной старинной французской мелодрамой "Две сиротки", на основе которой по заказу МХАТ В.З.Масс написал пьесу "Сестры Жерар".

Выполненный С.Л.Бертенсоном перевод комедии Бомарше был кардинально отредактирован Марковым в сотрудничестве с режиссерами спектакля Е.С.Телешевой и Б.И.Вершиловым. Окончательная редакция куплетов к "Женитьбе Фигаро" была создана не Н.Р.Эрдманом, а В.З.Массом.

О сценическом переводе трагедии Ж.Ромена "Старый Кромдейр" (для В.И.Качалова) Марков вел пе-

Экран и сцена

марковские чтения

791

ление, что наиболее творческие силы уходят в кино. Последние картины Чаплина глубоко человечны и трогательны — именно то, чего совсем нет в современном западном театре.

Во всяком случае посмотреть сейчас Запад было для нас необыкновенно интересно, после этих двух месяцев многое начинаешь оценивать по-новому и начинаешь предъявлять более строгие требования к некоторым сторонам актерского мастерства.

Приезда Художественного театра очень ждуть в Германии и во Франции. В лучших кругах германского театра — глубокая тоска об отсутствии театра как единого организма, потому что/во всей Европе окончательно утвердился театр отдельных спектаклей и гастрольный метод работы. Поэтому большая работа, которая совершается отдельными актерами, идет как бы впустую, не обогащает театр, оставаясь лишь отдельными отличными исполнениями — не более.

Все в Театре шлют вам горячий привет и пожелания здоровья и сил.

С глубоким уважением и любовью

П. Марков

Письмо послано в Кисловодск, где отдыхали К.С. Станиславский и М.П. Лилина.

Весной 1928 года в МХАТ взамен просуществовавшей два года Репертуарно-художественной коллегии был создан "Совет шестнадцати" и из его состава для ведения повседневных дел выделено "Управление театром" ("шестерка" — Н.П. Баталов, Ю.А. Завадский, П.А. Марков, М.И. Прудкин, И.Я. Судаков, Н.П. Хмелев). Эту систему Немирович-Данченко называл "естественно сложившимся административным достижением, каким не может похвастать ни один театр в мире".

С.В.И. Немировичем-Данченко. Начало 30-х.

бунтующей природы”

Во второй половине 1928 года А.М. Горький продолжал активно содействовать так и не полученному разрешению на постановку пьесы М.А. Булгакова "Бег".

Руководитель "Главискусства" А.И. Свидерский соглашался на возвращение в репертуар МХАТ старого спектакля "Братья Карамазовы" в сокращенной редакции ("американской" — исполнявшейся в поездке по США в 1923/24 г.). Этот тщательный возобновленный в связи с юбилеем Ф.М. Достоевского вариант спектакля был показан в Москве лишь единственный раз 24 февраля 1931 года и встречен жесткими упреками в культивировании "достоевщины".

Свои впечатления от поездки в Германию летом 1928 года Марков изложил в статье для "Правды" (1928, 23 октября).

О том, какой он увидел впервые "Комеди Франсез" в 1928 году, Марков подробно написал в 1964 году (см.: Марков П.А. О театре. В 4-х томах. Т. 4. М., 1977).

Предполагаясь поездка МХАТ в Германию и Францию не состоялась.

В.И. Немировичу-Данченко

1935, 8 сентября. Из Москвы в Берлин

Дорогой и глубокоуважаемый Владимир Иванович.

На этот раз мое письмо будет посвящено в гораздо большей степени делам по Художественному театру, чем по Музыкальному, но все же сперва несколько слов о Музыкальном театре. Вы, вероятно, уже слышали о триумфальном успехе "Катерины Измайловой" на фестивале. Сам спектакль шел с подъемом, великолепно дирижировал Столяр, очень помогли акустические условия и спектакль встретил самый горячий непосредственный отклик. /.../

Теперь о делах Художественного театра. Тут начинается, как говорят, официальная часть програм-

мы. Несколько дней тому назад Кедров, Судаков, Топорков (замещающий Подгорного) и я были вызваны на заседание Егоровым². На заседании присутствовала также Елена Сергеевна Животова, которая уже раньше работала у нас по хозяйственной части. На этом собрании Егоров поставил от имени Константина Сергеевича вопрос о том, что у нас нет твердо выработанного репертуарного плана. Он указал на необходимость проявления инициативы со стороны тройки (при моем ближайшем участии) и передал поручение Константина Сергеевича в кратчайший срок составить репертуарный план. Это совпало с настойчивыми требованиями ВЦИКа о представлении твердого календарного плана работ и производственных соображений на будущее. Тут же был поставлен вопрос и о том, каким путем согласовать эти вопросы с Вами, поскольку они требуют самого срочного разрешения. Обсуждение всех этих вопросов заняло несколько дней. Наибольшие споры вызвала "Любовь Яровая", не пользующаяся поддержкой в труппе и встретившая такой же отпор со стороны Животовой, которая высказала сомнения относительно целесообразности постановки этой пьесы в МХАТ.

Пугало также и возобновление "Села Степанчиков", так как оно потребует таких же сил, как и работа над новым спектаклем. Вдобавок Тренев звонил мне с запросами о том, в каком направлении перерабатывать "Любовь Яровую" и каковы пожелания театра. Я ему не мог дать точного ответа, и сейчас работа над текстом осталась в том же положении, как и была. Предположения, которые были выдвинуты тройкой, таковы. Основная сцена: октябрь — "Враги", ноябрь — возобновление "Царя Федора", февраль-март — возобновление "Бульчова" с Москвиным. Конец сезона — "Анна Каренина". Филиал: декабрь — "Мольер", март-апрель — "Собака садовника", или "Честное слово" (этой пьесы очень добивается Андровская, но ее уже принял Зава-

дский). Заготовки на будущий сезон: "Чайка", возобновление "Горе от ума", пушкинские драмы. Филиал: "Мария Стюарт" и "Пушкин" Булгакова. Очень просим разрешения на заключение договора на "Сирано де Бержерак" с тем, чтобы он работал с молодежью в течение двух сезонов.

Соображения в пользу этого плана: необходимо докончить работу над "Федором" и ввести его в репертуар (первоначально с Москвиным, затем с Хмелевым). Необходимо иметь в репертуаре "Горе от ума" (возможный исполнитель Фамусова — Станицин, который готовит в течение этого сезона роль). "Бульчов" — интереснейший, мало использованный спектакль. Новая роль Москвину. Легко возобновить. Попова входит в репертуар. "Анна Каренина" — основная работа сезона, все должно быть брошено на нее, чтобы обеспечить ее выпуск. Не знаю, писал ли я Вам о том впечатлении, которое произвело на меня Ваше письмо Сахновскому — я был совершенно потрясен и глубоко взволнован замечательным анализом "Карениной" и задач спектакля. По "Мольеру" Вильямс и Горчаков представили новый декоративный план, очень интересный. О "Собаке" я уже вам писал. "Честное слово" сейчас у Животовой и будет послано Акулову — стоит ли вообще ставить и стоит ли ставить параллельно с Завадским? Актрисы стоят за пьесу. "Чайка" — давняя мечта театра. Не буду повторять моих постоянных доводов в ее защиту и в защиту Вашей новой работы над Чеховым — я об ней мечтаю уже целое десятилетие.

С этими соображениями мы были у Станиславского. Это посещение произвело на меня угнетающее впечатление. В маленькой комнатке в санатории он казался совершенно обессиленным. Его настроение глубоко пессимистично. Он не видит в МХАТ ни одного интересного актера, всем нужно начинать с азав. Производственной работой принципиально не интересуется. План принял, не обсуждая.

В труппе эти соображения о репертуаре встречают сочувствие.

Такова внешняя сторона событий. О внутреннем же подтексте писать трудно. Это требует подробного рассказа. Во всяком случае мы имеем дело с результатом июньских совещаний и попыткой Егорова укрепиться на своих позициях, используя "живые силы" труппы. Он понимает все возрастающую слабость Константина Сергеевича и поэтому они пошли на замену Подгорного Топорковым и на приближение Судакова и меня. Внутри тройки — явное расхождение: с одной стороны — Кедров ("кабинет"), с другой — Судаков и Топорков. Мне кажется, что, может быть, нужно сделать последнее усилие, чтобы наладить правильную организацию внутри театра. Я убеждаю Судакова и Топоркова понять, что они легко могут попасть на ненужную удочку. Единственный путь — твердой принципиальности. Таковы мхатовские новости. Мне поручено просить Вас сообщить Ваше мнение и решение о репертуарном плане.

Чувствую себя по-прежнему великолепно, очень жалею, что не мог поехать в Черноморскую бригаду, предвижу нагоняй за "Риголетто".

Горячий привет Екатерине Николаевне.

Глубоко вас любящий

П. Марков

В сентябре 1935 года в Москве проходил Третий Московский международный театральный фестиваль, в программе которого были показаны "Катерина Измайлова" Д.Шостаковича и "Гроза" А.Н.Островского в постановке В.И.Немировича-Данченко.

О Н.В.Егорове, заместителе директора МХАТ и о возглавлявшемся им "тайном кабинете" см.: Марков П.А. Книга воспоминаний. М., 1983, с. 288 — 291.

Очевидно, об этой встрече с "четверкой" (М.Н.Кедров, И.Я.Судаков, В.О.Топорков и Марков) в Покровском-Стрешневом Станиславский писал в недатированном письме Р.К.Таманцевой: "Вчера на заседании четверки я чувствовал себя скверно. Очень болела рука и сердце шалило. Поэтому был несосредоточен и не очень вникал в вопросы. Сегодня очно, во избежание могущих быть недоразумений, записать то, как я понял вчерашнее заседание" (См.: Станиславский К.С. Собр. соч. М., 1961, т.8, с.408).

С 1932 года параллельно с работой в Художественном театре Марков был заведующим художественной частью Музыкального театра имени В.И.Немировича-Данченко. Летом 1935 года артисты Музыкального театра гастролировали в Крыму. В предыдущем письме (от 2 сентября) Немировичу-Данченко Марков изложил свой план постановки оперы Верди "Риголетто".

1935, 9 сентября. Из Москвы в Берлин

Дорогой Владимир Иванович.

Вчера "Гроза" шла для театрального фестиваля и взяла полный реванш за неполный успех первых представлений. Публика принимала спектакль так же горячо, как и "Катерину".

Уже после первого акта раздалась продолжительные аплодисменты. После оврага аплодировали минуты три перед закрытым занавесом. После конца спектакля бесконечные овации и вызовы. Сердечно поздравляю вас с триумфом обеих ваших работ. В антракте говорил с французским драматургом Ленорманом, английским критиком Хентли Картером и чешским режиссером Новаком. Они в полном восторге от спектаклей. Ленорман сам хорошо знает "Грозу", а его жена, актриса, когда-то играла Катерину. Они ушли со спектакля с заплаканными глазами. Ленорман говорит, что он впервые видит искусство такой глубокой простоты и мудрого реализма. Третий акт он называет сценическим шедевром. Он восхищен той трагической атмосферой, которой окутан спектакль в вашей постановке и которая соединяется в то же время с исключительно ярким раскрытием эпохи (очень нравится проход из церкви). В том же

направлении, с тем же энтузиазмом высказались Картер и Новак. Прием в театре был устроен очень хорошо и гости остались вообще довольны мхатовской атмосферой.

Вчера получили письмо от Станиславского с оценкой наших репертуарных планов. В целом он их принимает, но считает необходимым скорейшее возобновление "Горе от ума" с Качаловым и Ливановым. Выказывает свои прежние сомнения относительно "Марии Стюарт". Предлагает "Последнюю жертву" для Поповой. Приветствует "Чайку", если Вы за нее возьметесь. Сомневается в "Собаке" и "Честном слове".

Наши ответные соображения: "Горе от ума" требует не только новых Фамусова и, может быть, Чацкого, но и Молчалина, Репетилова, Загорецкого и всех массовых сцен. Поэтому мы считаем, что правильнее вести подготовительную работу с тем, чтобы "Горе от ума" вышло в начале следующего сезона.

Не следует ли бояться с "Последней жертвой" повторения "Талантов и поклонников"? Зеркалова сыграла Юлию в театре ЦДКА очень хорошо. Попова же мечтает об Аркадиной — это работа, которая ее вполне удовлетворяет.

"Марию Стюарт" предлагаем начать репетировать с тем, чтобы окончательное решение вынести после показа: очень сильно стремление и актеров и Судакова пробовать Шиллера.

Если не "Собака" и "Честное слово", то очень настойчиво предлагаем "Сирано де Бержерак" (Андровская, Топорков или Ливанов, Кторов).

В Музыкальном новостей от бригады нет. Получено письмо от Дзержинского, который снова повторяет, что никаких договоров у него с Большим театром нет и что он заинтересован Музыкальным театром.

Вот и все новости. Привет Екатерине Николаевне.

С любовью

П. Марков

Это недатированное письмо Станиславского см.: Станиславский К.С. Собр. соч. т.8. М., 1961, с. 408 — 410, где оно отнесено к марту 1935 г.

Имеется в виду нежелательность репертуарных совпадений: "Таланты и поклонники" были поставлены Художественным театром в 1933 г., а с 1931 г. эта пьеса исполнялась в театре-студии Р.Н.Симонова.

Ни "Собака садовника" Лопе де Вега, ни "Честное слово" А.Жансона поставлены не были. Поиск роли для О.Н.Андровской закончился постановкой "Школы злословия" Р.Шеридана. Марков рассказывал: "Андровская никак не соглашалась играть "Школу" и на все доводы жалобно отвечала: "Там же нечего играть, я ее не люблю". Наконец, я разъярился: "Конечно, Дузе было что играть, Сара Бернар ее обожала, Лешковская и Грановская играли, а тебе — нечего играть!" И еще каких-то актрис назвал несуществовавших никогда. Она умолкла и смирилась, потом догадалась, что я ее разыграл, и была благодарна".

Музыкальный театр вел переговоры о постановке оперы И.И.Дзержинского "Тихий Дон".

Публикацию подготовили сотрудники Музея МХАТ Екатерина Шинарева (письма А.П. и М.А.Марковым), Марфа Бубнова (письма К.С.Станиславскому), Мария Полканова (письма В.И.Немировичу-Данченко), Людмила Савельева (фотодокументы).

Примечания Н.Панфиловой и О.Фельдмана.